

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Н. ДАНИЛОВА

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАЦИЯХ РОССИЯН

Недостатки массовых опросов, особенно проведенных с использованием «жестких» методик известны, но, как считает Ю.А. Левада, «если подходить к ним как к инструменту социологического знания в известном культурном контексте и соответствующих концептуальных рамках, они могут иметь важную познавательную роль» [1]. Данные девяти проведенных нами в 1992—1998 годах общероссийских исследований¹ позволяют выявить динамику социальных идентификаций в российском обществе. Респондентам задавался вопрос: «Как часто вы ощущаете близость с разными группами людей, с теми о ком вы могли бы сказать «Это – мы»?» На небольших целевых группах нами использовались также более чувствительные «мягкие» методы, которые дают возможность уловить богатство рефлексий личности и лучше понять социальное самоопределение человека [2]. Однако провоцируя опрашиваемых к самовыражению, уводящему в мир переживаний и рефлексий, «качественные» методы не способны зафиксировать самоидентификацию в пространстве статичных социальных категорий. «Жесткие» же методы вполне соответствуют основной цели нашего анализа — обнаружить тенденции отношения россиян к категориям публичного дискурса. Выбранные категории отражают, как нам представляется, социальную реальность, поскольку язык культуры «кодирует» их в общепринятых понятиях.

Механизмы социальной самоидентификации основаны на выделении «своих групп» в социальном пространстве [3]. При этом человек, как правило, руководствуется следующими определениями социальных ситуаций: наибольшей эмоциональной и ценностной значимостью групп (тех, кого можно назвать «мы»); распознаванием общих с группой черт и качеств; воз-

Данилова Елена Николаевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117259 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/25, строение 5. **Телефон:** (095) 125-32-38. **Факс:** (095) 719-07-40. **Электронная почта:** dan@isras.rssi.ru

¹ Величина выборки 2 тыс. человек, средняя ошибка выборки 3%.

возможностью обеспечения групповой поддержки, защиты и условий для самореализации. Нами было выделено несколько классов групп и общностей, предлагаемых для идентификации. Каждая из них имеет аналоги в «публичном дискурсе», то есть определена в поле массового сознания. По ходу исследования набор таких групп дополнялся новыми, обнаруживавшими большую дифференцирующую силу.

Устанавливались следующие объекты идентификации:

1. *С ближайшим окружением*: семьей, друзьями, близкими;
2. *По профессионально-производственному признаку*: с товарищами по работе, учебе; людьми своей профессии;
3. *По статусно-имущественному признаку*: с людьми, которые имеют тот же достаток; с теми, кто оказался в числе постоянно нуждающихся в средствах для жизни (эта категория добавлена в ноябре 1994 г.);
4. *По социальному положению и отношению к собственности* (добавлены в мае 1998 г.): с теми, кто считает себя наемным работником; с теми, кто занимается собственным бизнесом;
5. *С возрастной когортой*: с людьми своего возраста, поколения;
6. *По признаку этнической и территориально-поселенческой принадлежности*: с людьми своей национальности; с теми, кто живет в том же городе, деревне;
7. *По ценностным и политическим ориентациям*: с людьми одинаковых политических взглядов и позиций; с теми, кто не интересуется политикой; с людьми таких же взглядов на жизнь; с теми, кто не утратил веры в будущее; с теми, кто уважает местные традиции (добавлена в мае 1998 г.); с приверженцами русских традиций (добавлена в мае 1998 г.);
8. *По признакам поведенческих стратегий*: (локус контроля): с теми, кто не ждет манны небесной, а сам делает свою судьбу и свою жизнь; с теми, кто не любит «высовываться», предпочитая жить как большинство людей; с теми, кто уверен, что от его действий мало что зависит;
9. *По критерию гражданства*: с россиянами; с гражданами СНГ; с общностью, которую называли «советский народ»; со всеми людьми на планете;
10. *По критерию оценки собственных достижений*: с теми, кто достиг успеха и материальной независимости (категория добавлена в марте 1993 г.); с теми, кто утратил возможность достичь своих целей в жизни (добавлена в ноябре 1994 г.);

За семь лет произошли существенные изменения в иерархии социальных идентификаций россиян². Если предположить, что иерархическая упорядоченность идентификаций отражает признаки, которые в определенном историческом отрезке времени в наибольшей степени соответствуют поиску «своих» в социальном пространстве, то устанавливается следующая картина. С 1992 по 1998 год фиксируется относительно устойчивая структура идентификационных предпочтений. Лидирующую позицию занимают группы повседневного контакта (семья, друзья, родственники, представители своего поколения, товарищи по работе, учебе, люди той же профессии),

² При анализе результатов использовалась градация «позитивная идентификация», если респондент выбирал ответы «часто» и «иногда», и «негативная идентификация», если отмечался вариант «практически никогда».

обеспечивающие первостепенные, жизненно важные потребности в общении, защите и самоутверждении. Идентификации по поколенческому, национальному, локально-поселенческому и статусному (в последнем замере) признакам преобладают над солидарностью с политическими единомышленниками, «гражданскими» общностями и, тем более, со всем человечеством. Таким образом, можно говорить об устойчивом доминировании реальных групп над воображаемыми и конструируемыми, наиболее подверженными воздействию социально-экономических сдвигов (табл. 1).

Таблица 1

Иерархия социальных идентификаций

Признаки идентификации	Объекты идентификации	Ранги	
		1992	1998
Семейно-ролевой	Семья, друзья близкие	3—6	1—6
Поколенческий	Сверстники	1—3	1—6
Национальный	Люди моей национальности	3—6	1—6
Территориально-поселенческий	Земляки	3—6	1—6
Стратификационно-статусный	«Люди моего достатка»	7—10	1—6
	Люди той же профессии	1—3	6—7
	Коллеги	1—3	6—7
По критерию ценностных ориентаций	Единомышленники	3—6	1—6
	Приверженцы местных традиций	—	8—9
	Приверженцы русских традиций	—	8—9
Государственно-гражданский	Россияне	7—10	7—8
По имущественной депривации	Нуждающиеся	—	9—10
По критерию поведенческих стратегий	«Интерналы»	7—10	9—11
	«Экстерналы»	11—13	11—13
	Конформисты	11—13	11—13
По идеологическим и политическим взглядам	Индифферентные	7—10	9—11
	Политические единомышленники	11—13	13—16
По занятости и отношению к собственности	Наемные работники	—	13—16
	Имеющие свой бизнес	—	13—16
По символично-гражданским основаниям	«Советский народ»	14—17	17
	граждане СНГ	14—17	13—16
По самооценке достижений и утрат	«успешные»	—	11—13

* различия значимы при $p < 0.05$

Наиболее существенные изменения затронули идентификации по доходу. В настоящее время доход — основной признак социального неравенства³. Если в 1992 году идентификация с людьми одного достатка как в целом для населения, так и по группам занимала невысокую ступень в иерархии, то уже к 1997 и еще отчетливее к 1998 году эта позиция перемещается на одно из первых мест. Самоопределение по уровню дохода строится на осмыслении

³ Заканчивая предложение «наше общество делится на...», респонденты чаще всего выбирают вариант «на богатых и бедных» [4].

реальности с точки зрения места в ней «своей группы». При этом человек адаптируется в системе доходной дифференциации.

Еще одна выявленная нами тенденция — рост национальной идентификации. Судя по нашим данным, с 1994 года категория «люди той же национальности» начинает подтягиваться к базисным группам (близкие, семья, сверстники, коллеги). К 1997 году доля тех, кто идентифицирует себя по национальному признаку, достигла 85%, а к 1998 — 91% (табл. 2).

Таблица 2

Динамика национальных, гражданских и локальных идентификаций, %

Доля опрошенных, указавших на чувство близости с:	май 1992	декабрь 1992	март 1993	июнь 1993	ноябрь 1993	июнь 1994	ноябрь 1994	январь 1997	май 1998
Людьми той же национальности	75	76	74	72	77	78	76	85	91
Россиянами	71	71	66	67	77	71	70	71	84
Общностью «советский народ»	47	46	44	39	49	49	44	54	52
Гражданами СНГ	49	42	38	36	38	39	34	50	63
Земляками (теми, кто живет в том же городе, поселке)	73	75	71	76	75	80	80	83	92

Распад СССР повлек за собой драматический процесс утраты ощущения принадлежности к общности «советский народ». Тем не менее, по разным оценкам, доля идентифицирующих себя с советским народом по-прежнему достаточно велика. Соответствующий показатель возрос от 46% в декабре 1992 года до 52% в мае 1998. Результаты исследования свидетельствуют о доминировании национальных идентификаций над гражданскими («мы — россияне»), что перекликается с исследованиями этнической идентичности. Это относится как к русским, так и к другим народам России. Более того, у русских, проживающих в республиках РФ, гражданское сознание не только расщеплено, но и погашено [5]. Главной объединяющей с Россией категорией выступает для них не гражданская, а именно этническая принадлежность.

Сегодняшняя идентификация с гражданами России (а тем более СНГ), по всей видимости, пока не восполняет государственную в той мере, в какой это было в СССР, и имеет более выраженную культурно-атрибутивную либо национальную компоненту. В массовом сознании набирают силу такие традиционные категории, как история, земля, обычаи и т.п. Примечательно, что в качестве констант самоопределения сохраняются язык и место рождения.

В этой связи уместно отметить, что использованные в мае 1998 года две новые номинации: близость с теми, кто уважает местные традиции, и с теми, кто является приверженцем русских традиций, получили достаточно большое число голосов (первая — 81%, вторая — 78%). Кроме того, по данным этого же замера, подтвердилась наметившаяся тенденция роста близости с земляками (в 1993 г. — 75%, в 1998 г. — 92%).

Наблюдаемое возрождение национального самосознания, а также локальных солидарностей можно интерпретировать в рамках мобилизационно-

го подхода [6], в соответствии с которым национальная идентичность, обладающая большим солидаристическим потенциалом, усиливается, в то время как другие мобилизационные модели, связанные с политикой и властью, ослабевают. Некоторый «всплеск» роста российско-гражданской идентификации зафиксирован в ноябре 1993 года, когда заметно увеличилась ее мобилизационно-символическая роль. В последнем опросе позиции категории «мы — россияне» укрепились. Изменениям оказались подвержены и идентификации с группами, выделенными по поведенческим стратегиям. Баланс «интерналов» и «экстерналов», будучи в основном в пользу тех, «кто не ждет манны небесной», для различных групп населения со временем менялся. Однако большинство проявляют устойчивую солидарность с теми, кто «не любит высовываться», предпочитая «жить как все».

Один из основных элементов нормативной базы недавнего советского общества заключался в соблюдении принципа похожести, который был освящен государственной программой «построения общества социальной однородности». Метафорой бытия советского человека многие исследователи считают его универсальную «простоту». Это и ориентации на массовое усреднение, и отвержение элитарности, и привычка довольствоваться малыми радостями. Феномен «простого» советского человека рассматривали Ю.А. Левада и соавторы [7]. Результаты исследования, когда почти 2 тысячи респондентов попросили ответить на вопрос «Кто я?», показали, что люди отвечали: «я — обычный человек, средний человек, скромная, обыкновенная, как все, стараюсь не выделяться, средних способностей, я — добрый, средний во всех отношениях».

Согласно нашим данным, начиная с 1994 года, наметилась тенденция увеличения доли тех, кто придерживается принципа «жить как все, не высовываться» — с 56% до 68% в 1998 году. При этом не установлено значимых различий по статусу: среди руководителей и специалистов ориентация на упомянутый принцип распространена так же, как и среди тех, кто занимает более низкие ступени на стратификационной лестнице. Невысокую приверженность данной установке демонстрируют предприниматели, но минимально приемлема подобная стратегия жизни для молодых.

Устойчивость идентификации по принципу «я — простой, я — как все», будучи глубоко «народной» (общинной), в советское время (вероятно, и ранее), имела двойную функцию: публичную — позитивную и приватную — негативную. В частной жизни «серость» и пассивность все же не одобряются, приветствуются настойчивость, оригинальность, способности. Можно было быть лучшим печником в округе или стахановцем, и это являлось предметом гордости человека и его семьи. Вместе с тем моральный кодекс предписывал не слишком выделяться, по крайней мере, не кичиться «особостью» и достижениями. Такая амбивалентность связана с «принципиальной невозможностью осуществления всего набора нормативных установок «советского человека», двойным стандартом сознания [7]. Отсюда двойной стандарт идентификаций — для себя и для других, напоминающих ролевое расщепление (по И. Гоффману), проявляющееся в массовых масштабах.

В прошлом принятие идеологизированных норм (включая идентичность «мы — советский народ») и соответствующих ролей было необходимым ус-

ловием для реализации частных ценностей. Сейчас «ролевое расщепление» происходит уже по иной причине — из-за отсутствия универсальных регулирующих норм. Как замечает Ю.А. Левада, на фоне идеологического и ценностного вакуума, разочарования в реформах, недоверия властям усиливается противопоставление критериев «для себя и для другого», возрождается механизм «лукавого двоемыслия», прежде всего обращенный к государству [7]. Распространение конформных стратегий, похоже, также является неким индикатором «двойной жизни». Примером тому может служить уклонение от уплаты налогов, называемое в народе «видом спорта». То, что происходит в настоящее время, во многом напоминает радикальные перемены в России после октябрьского переворота, когда модернизация общества сталкивалась с нормами и ценностями традиционной культуры. Как и в тот, послереволюционный период, наши современники возлагают «надежды не столько на обещания новой власти, сколько на то, что она не затронет основы повседневного существования» [1].

Повседневность доминирует в интересах обычных людей. Стремление сохранить привычный ход вещей — кредо массового человека в кризисное время. Реализация этого стремления осуществляется разными стратегиями. Выявленная нами динамика идентификаций может служить своеобразным индикатором социального самочувствия. Реформирование общества сопровождается колебаниями идентификационных ощущений и рефлексий. Первые признаки стабилизации побуждают людей адаптироваться к новой социальной реальности, при этом социально-групповые идентификации усиливаются. Пик социально-политического кризиса в 1993 году вызвал сильнейшую аномию и отчуждение буквально от всех социо-групповых образований, в первую очередь чувство утраты коллективных солидарностей. Угроза дестабилизации подрывает желание солидаризироваться в принципе, приводит к «эффекту улитки».

Рассмотрим отдельные периоды изменений идентификационных побуждений.

1. *Май 1992 — декабрь 1992 года.* Этот период характеризуется относительной устойчивостью идентификаций. Интерес к политической сфере, апогей которого наблюдался в 1989-1990 годы, ослабевает. Наблюдается некоторое усиление чувства близости с людьми, индифферентными к политике, а также с теми, кто живет по принципу «как повезет».

2. *Декабрь 1992 — март, июнь 1993 года.* Общий спад идентификационных побуждений. Все выделенные группы имеют минимальные за все семь лет исследований процентные значения позитивной идентификации и максимальные — негативной (табл. 3).

Как известно, этот период был отмечен сильнейшими инфляционными скачками, снижением уровня реальных доходов населения, открытым противостоянием президентской и парламентской ветвей власти. Резко упало доверие граждан к большинству общественных институтов, людей охватило чувство незащищенности, которое зачастую сопровождалось депрессивными состояниями. Пробуксовка реформ подорвала веру в новое руководство, его способность обеспечить ожидания населения. На быденном уровне это означало неясность перспектив, нестабильность.

Таблица 3

Динамика изменений позитивных и негативных идентификаций, %

	Позитивная идентификация			Негативная идентификация		
	декабрь 1992	март 1993	июнь 1993	декабрь 1992	март 1993	июнь 1993
Объекты идентификации						
с						
семьей, близкими, друзьями	76	74	72	1	4	2
людьми того же поколения, возраста	85	77	82	3	7	7
товарищами по работе, учебе	83	77	82	3	7	6
людьми той же профессии, рода занятий	82	71	76	4	8	10
людьми той же национальности	76	74	72	5	7	11
теми, кто живет в том же городе, поселке	75	71	76	6	10	8
теми, кто разделяет такие же взгляды на жизнь россиянами	71	66	67	6	9	12
людьми того же достатка	71	65	66	7	10	13
теми, кто не утратил веры в будущее	68	61	63	8	13	15
теми, кто не ждет «маны небесной», а сам делает свою судьбу	68	59	60	10	16	17
теми, кто близок по политическим взглядам, позициям	59	52	52	12	18	19
теми, кто не любит «высовываться», предпочитая жить как все	59	55	53	17	18	22
теми, кто не интересуется политикой	69	51	49	14	20	25
теми, кто уверен, что от его действий ничего не зависит, главное — как повезет	59	55	49	13	16	26

3. *Ноябрь 1993 — июнь 1994 года.* Восстановление идентификационных побуждений. В октябре 1993 года у россиян появилась надежда на стабилизацию. Начинает формироваться новое политическое и социальное пространство. Интересы большинства все больше концентрируются в области повседневных забот, люди постепенно адаптируются к складывающейся ситуации, несмотря на то, что она пока еще не очень прозрачна. Это выражается, в частности, в доверии к новым финансовым структурам (банкам, инвестиционным фондам, АО и т.п.). Октябрьские события стимулировали «всплеск» гражданского самосознания, и в ноябре 1993 года доля тех, кто воспринимал себя как гражданина России, оказалась максимальной (77%).

Как отмечает Н.Ф. Наумова, наступил перелом в сознании, за которым следует активизация адаптационных процессов. Более того, во второй половине 1993 года устоялось восприятие происходящего в России исторического сдвига как неуправляемого и необратимого природного процесса [8]. В результате меняются поведенческие стратегии. Так, если к декабрю 1992 года увеличилась доля респондентов, руководствующихся принципом «главное — как повезет», то к июню 1993 года разделявших этот принцип становится меньше, а отвергавших — вдвое больше. На везение не рассчитывает уже каждый четвертый по сравнению с каждым восьмым в предыдущем замере. Но уже к июню 1994 года у людей опять создается впечатление, что можно без особых усилий достичь успеха. Начался настоящий бум — денежные вклады в коммерческие банки, в «пирамидальные» АО, приобретение акций и т.д. Для многих выигрыш без затрат («на халяву») становится основным жизненным принципом. Произошли некоторые сдвиги и в ориентациях на тех, кто верит в будущее, и сам вершит свою судьбу. К лету 1993 года респондентов, не идентифицирующих себя с таковыми, стало почти вдвое больше по сравнению с предыдущим годом, потом их доля уменьшилась, а к ноябрю 1994 года снова вернулась на прежний уровень.

Осознание собственных сил в соотнесении с новыми возможностями и надеждой на будущее, отмеченные в дореформенные годы, в 1993 году ослабевает: люди понимают, что в одиночку сделать что-либо практически невозможно. По-видимому, проявляется экстермальность другого типа, направленная не в сторону государства, а к коллективным солидарностям, основанным на корпоративных интересах, но связанных с потребностью достижения прежде всего индивидуальных целей. В этот период формируются солидарности гражданского общества, возникают различные движения и ассоциации: союзы потребителей, общество защиты воинов-афганцев, свободные профсоюзы и др.

4. Январь 1997 — май 1998 года. Четко наметилась тенденция усиления групповых идентификаций в целом. По всем категориям процентные различия значимы. Возможно, это является индикатором улучшения положения дел в обществе (напомним, речь идет о периоде до финансового и политического кризиса в августе 1998 года), что вызвало более структурированное восприятие социальной реальности. Соотнесение себя с людьми той же национальности достигает к 1998 году своего максимума за все время наблюдений. Идентификации по национальному признаку, становятся одними из доминирующих в иерархии. Сказанное справедливо и в отношении идентификаций по имущественному признаку (с людьми такого же достатка).

Полученные результаты можно трактовать с точки зрения нескольких подходов. Н.Ф. Наумова считает, что система власти и контроля практически не оказывает на людей контролирующего воздействия, поскольку доверие к властным структурам, да и к институциональным нормам снизилось [8]. Это естественная реакция на кризис социальных институтов, призванных обеспечить защиту граждан и интеграцию индивидов в общую систему. Н. Луман показал, что с возрастанием сложности системы снижается доверие к ее способности внутренне контролировать действия. При отсутствии таких условий или их слабой выраженности высокий уровень недоверия к системе компен-

сируется повышением доверия, основанного на межличностных связях и сильных «партикуляристских идентичностях» [9]. Как только доверие к системе, и без того ослабленное, подрывается колебаниями самой системы, снижается связность в обществе. И соответственно, наоборот, в относительно стабильной системе связность общества возрастает, что, возможно, демонстрируют данные замера 1998 года, зафиксировавшего стремление идентифицироваться буквально со всеми группами.

Доминирование в групповой идентичности повседневных практик — вполне естественная картина и для западных обществ, и в этом смысле российское общество мало чем от них отличается. К сожалению, мы не располагаем данными предшествующих лет по России и другим странам, чтобы адекватно интерпретировать этот факт в межстрановом сравнении и на длительном временном отрезке. Обобщая результаты исследования с учетом предложенной Н.Ф. Наумовой схемы формирования жизненных стратегий [8], выделим стадии формирования идентификаций и соответствующие им доминирующие механизмы (табл. 4).

Таблица 4

Стадии формирования социальных идентификаций

Годы	Внешние явления	Социальный уровень	Идентификации	Механизмы идентификации
Кризис				
1992	распад СССР	размежевание по признаку принимаемых людьми ценностей и политических убеждений	Кризисно-диффузные идентификации в отношении гражданства и государства, относительно высокие показатели идентификаций в отношении политических и ценностных ориентаций	Эмоционально окрашенная нравственно-экзистенциальная категоризация
1993	«шоковая терапия», кризис власти	усиление аномии, недоверие политическим и общественным институтам	«сворачивание» идентификаций	«идентификационный эскапизм» простое дихотомическое противопоставление «мы—они»
Адаптация				
с конца 1993 по 1994	разрешение кризиса власти	восприятие необратимого исторического сдвига,	восстановление идентификаций, ослабленных кризис-	нравственная категоризация; идентификации от противного

		начало адаптационных процессов, формирование жизненных стратегий, отчуждение от сферы политики, недоверие политическим и общественным институтам	сом	«мы — не они»
Стабилизация				
1997—1998	относительная стабилизация в политике, экономические реформы, стабильный курс национальной валюты	привыкание к новому миропорядку (восприятие его как данность), усиление социальной дифференциации, интенсивное формирование жизненных стратегий	общее усиление идентификаций, рост национальных, поселенческих идентификаций, идентификаций по имущественному признаку, снижение идентификаций по политическим	более рационализированное восприятие своего места в социальном пространстве, в частности, в системе имущественной дифференциации
			взглядам	

Социально-экономические трансформации сопровождаются ломкой групповых идентичностей в периоды острого кризиса, но люди стремятся восстановить свой жизненный мир сопричастностью близким, «своим». Как только острый кризис минует, идентификационная пирамида тяготеет к той, что стала привычной. С точки зрения психологии человека, было бы ошибкой видеть в процессе утраты самоидентификации просто один из случаев дезинтеграции личности. По словам П. Бергера, правильнее смотреть на этот феномен как на реинтеграцию, не отличающуюся в своей социально-психологической динамике от становления былой самоидентификации.

Базисные социальные идентификации на протяжении всех постсоветских лет (а, возможно, и ранее) связаны с первичными общностями. Это близкие, коллеги, сверстники, земляки, люди той же национальности, а в последние годы — люди того же достатка. Этот базисный комплекс дополняется ценностно-мировоззренческим, основанным на предпочтении «своих» по духу, взглядам на жизнь и политическим убеждениям. Как правило (если судить по результатам факторного анализа), в массовом сознании присутствует противопоставление частного и публичного, идентификаций с близкими

в сочетании с общественно-политической пассивностью, с одной стороны, и политических идентификаций — с другой. Реализация интересов, направленных на поддержание приемлемого уровня жизни своей семьи, и отчуждение от общественно-политической сферы — признаки автономной от политических событий страны жизни граждан. Неотчетливы гражданские идентификации.

Конфигурации идентичностей связаны с ориентацией на определенные адаптационные стратегии, которые, в свою очередь, у различных социальных групп выражены в разной мере. Именно жизненные стратегии дифференцируют российское население: выживание или стремление к достижениям. В этой плоскости происходит формирование новых социальных идентичностей через соотнесение с «проигравшими» или «выигравшими» в ходе реформ. Первая тенденция прослеживается у тех, кто испытывает трудности самоопределения и адаптации к новым условиям и обращается за поддержкой в советское прошлое. В их «мы-концепцию» неизменно входит категория «советские люди». Другая стратегия характерна для тех, кто вполне адаптировался к переменам, проявляет активность и стремление к успеху, живет настоящим.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левада Ю.А.* Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2. С. 9.
2. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А.Ядова. М: Изд-во Института социологии РАН, 1994.
3. *Hogg M. A., Abrams D.* Social identifications. A social psychology of intergroup relations and group processes. London: Routledge, 1988.
4. *Климова С.Г.* Изменения ценностных оснований для идентификации (80-90-е годы) // Социологические исследования. 1995. № 1.
5. *Дробизжева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 309.
6. *Smith A.* National identity. London: Penguin Books, 1991.
7. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан. 1993.
8. *Наумова Н.Ф.* Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2.
9. *Luhmann N.* Trust and power. Chichester: John Wiley. 1979. P. 90.